

Иоанна Мурейкене вспоминает: "Мы кричали: Свобода или смерть".

Иоанна Улинаускайте родилась в 1928 году в Каунасе. В 1940 г., когда Литва была присоединена к СССР, начались массовые аресты. Отец Иоанны, Казимирас Улинаускайтис, был также арестован и отбывал срок заключения в Воркутинских лагерях. О его судьбе в семье ничего не было известно. В 1944 году, после возвращения советской армии, Иоанна поддержала антисоветское сопротивление, была арестована и приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, которые отбывала в Коми, Тайшете и Норильске. Принимала активное участие в Норильском лагерном восстании. В октябре 1956 г. дело Иоанны Улинаускайте было пересмотрено, как арестованная в несовершеннолетнем возрасте, она была освобождена и вернулась в Литву. Посупила в медицинский институт и окончила его по специальности врач-педиатр. С 1959 года замужем, воспитала двоих детей.

Советская оккупация. Арест отца, январь 1941 г.

Потом, в сороковом году, помню, как вошли русские, ну, советские войска. Мы жили недалеко от такой самой дороги Каунас – Вильнюс, Каунас – Мариамполе – Вильнюс. И по этой дороге начали ездить, ехали машины, полные солдатом, с песнями. Но, они все очень были пыльные такие. Ну, знаете, дорога такая далёкая. Мы все люди, другие бежали, поздравляли. Другие говорили, плакали и говорили, что это будет уже плохо. Но нам, детям, не было плохо.

И, как зашла в комнату/, Так у нас большая кухня такая была, там вместе и столовая. И всё разбросано, все, все вещи, книги, очень много имел отец книг. Он очень читал много. Все книги, все вещи, всё разбросано на полу. Сестра кричит, плачет, а мама сидит, так, на стуле, и в одну точку смотрит. Я так зашла, думаю: «Что случилось?» А сестра говорит: «Папу взяли. Папу арестовали». Так я и села около дверей.

Так папу взяли, и больше до пятьдесят четвёртого года я его не видела. Ему дали, осудили, мы очень искали, не знали, где он. Мама носила передачи. Сначала принимали передачи, а потом перестали принимать. И уже и не знали,

где. А он в это время был в девятом форте. Там не принимали передачи, ничего.

Немецкая оккупация, 1941-1944 гг

Как немцы зашли, мы уже начали искать отца по тюрьмам везде. Потому что начали приходиться уже из тюрьмы, которые/, которые ещё в Литве были в тюрьмах или на девятом форте.

И, знаете, там, недалеко от Каунаса, в Петрошунасе, сказали, что будут откапывать застрелянных, которые в тюрьме были. Там такое место, вроде бы хотели сделать кладбище, отгородили, но кладбище запретили делать, и, вот, возили туда, в этот лес.

Мама говорит: «Может быть, ты быстрее узнаешь». Меня повела тоже. Вы знаете, евреи откапывали, евреи откапывали, и вытаскивали, ложили на край. И все мы подходили, ну, завязывались платками, подходили и каждого смотрели мужчину. Каждого смотрели. И я каждого смотрела. Так подействовало на меня это. Которые находили своих родных, так сразу плач такой, знаете, которые узнали. И тут сразу гробы были, и их ложили и увозили хоронить. А мы своего папу так и не нашли там.

Вход советских войск. Участие в сопротивлении советскому режиму

Ну, как фронт прошёл, я уже была, знаете, мне уже было, наверно, пятнадцать лет.

И вот, начали брать в армию наших мужчин, начали брать в армию, и они не хотели идти в армию. В лес пошли. Тогда же и пошли в лес наши многие знакомые. Я часто ездила в деревню, где мама родилась. Там, в ту деревню, там жил её брат, и мои двоюродные братья были. Ну, и мне, знаете, что-то, ну, вот, я отомщу за папу, я буду работать. И начала помогать листовки. Они выпускали там в лесу листовки, так я ездила в деревню, брала эти листовки, и тогда делила своим в гимназии, потом знакомым. Мама не знала, что я делаю.

И мама один раз меня поймала с этими листовками и с этим лекарством. И просила/. И очень просила мама, ну, я всё равно не слушалась. Так она так переживала, просила: «Уезжай из дома. Уезжай в деревню. Уезжай куда-нибудь к родственникам». Но, я знала, что, если я уеду, так арестуют маму, тогда заберут или вывезут. А другие дети меньше меня, так как они будут? И я не пошла в деревню, нигде, и ждала, пока пришли меня и забрали. И когда меня забрали в контрразведку. Сорок пятый год, знаете, контрразведка.

Арест. Советский лагерь

И следствие всё время вели только ночью, а днём не давали спать. Если не было, как спать, то ничего не дали, ни постелиться, ничего, ничего. Только на цементном полу. А забрали, была осень, осеннее пальто, туфельки, ничего не имела больше. Ну/. И так холодно, что заснуть не можно. И потом днём не давал спать надзиратель. Всё время: «Не спи. Сиди. Или стой. Или сиди». А как только ночь, так ведут на следствие.

Судили нас четырнадцать человек. Три дня шёл суд. Три дня. И тоже всё время суд шёл ночью.

Нас этот/, погрузили в вагоны. Очень много, в одном вагоне пятьдесят человек, очень много, очень тесно было. Холодно, январь, февраль, февраль, очень холодно. Вагоны просто покрылись инеем таким. И ехали мы, наверное, две недели. Две недели ехали до Печоры. Очень хотелось пить, потому что давали только хамсу.

Работы всякие были. Водили нас в Сивомаскинский выгружать вагоны. Это тяжёлая была работа. Если привозили доски, так доски надо было выгружать, если уголь, плохо очень, уголь. Привозили вагон угля, и надо лопатами его выгружать около железной дороги. Так приходим страшные, чёрные, пыль. Очень плохо, когда привозили цемент. В мешках цемент, а они/, а этот цемент, рвутся эти мешки, он пылится, и тогда всё равно надо из вагона выгребать этот цемент. Так мы просто надышались этого цементом, глаза краснели, полные цемента волосы, всё, ну, просто очень было тяжело. Мне, как положат мешок на плечи, так я и упаду под мешком этим. Все смеются: «Давай, давай! Привыкнешь». И, действительно, помаленьку, помаленьку, бывало, сначала падала, потом, согнувшись, ходила. А потом выровнялась и шла с мешком.

Но женщины очень тяжело работали. Очень тяжело было работать на кирпичном заводе. Был кирпичный завод, который делал кирпичи. Не привозили, они сами делали, и весь Норильск строился из этих кирпичей. И много очень мужчин работали на кирпичном заводе. И нас, женщин, послали работать на печах. Ой, там уже, если есть пекло, то мы побывали уже. Я всегда говорила: «Мы уже все свои грехи, наверное, откупили уже там».

Норильское лагерное восстание, апрель 1953 г.

Пятьдесят третий год апрель месяц. Они вышли, и украинцы начали петь. Пришёл начальник, какой-то сержант с винтовкой и говорит, он шёл, обход делал около зоны, и говорит: «Перестаньте петь». А они всё равно дальше пели, не слушали его. Так он снял автомат, и вот так вот, их всех пострелял. Эти бараки так у нас доски, между двумя досками засыпано что-то. И, знаете, бараки эти очень холодные зимой, там засыпано шлак, шлак засыпано, но он спадает через эти доски. На нарах сидели некоторые мужчины, другие сидели за столом, и этих тоже. Через доски пули прошли, и их застрелили. И, тогда мужчины передали на работу, чтоб сирены загудели, они объявили забастовку. Сначала забастовка. И мы работали ночью на стройке в котлованах, и услышали, что сирены начали гудеть, фабрики, гудки фабрик. Тогда мы

спрашиваем: «Что такое? Что случилось?» Начали мужчины кричать из своей зоны: «Женщины, бросайте работу! Забастовка!».

Сразу закрыли кухню, досками забили окна, двери. Что было уже на обед готовлено, вылили. Вынесли, из котлов вылили на землю всё. Мы больше не готовим, больше не принимаем пищу. Объявили голодовку и не идём на работу.

И.М. Требования были так. Снять с окон эти решётки, на ночь не закрывать, разрешить письма, дать в воскресенье свободный день, потому что мы работали без отдыха совсем.

И.О. А номера?

И.М. Номера снять. Снять номера, улучшить вообще быт, чтоб над нами не издевались, и чтоб работали восемь часов.

наверное, две недели прошло, так мы пожили. В одну ночь они приехали с грузовиком, и начали за ноги тягать тех, которые сидел за столом. И погрузили, и увезли их. И у мужчин так сделали. И всё. И опять гудки, и опять мы не выходим на работу. Но пищу принимаем тюремную. Сорок/, Четыреста грамм хлеба, суп принимаем, чай, принимаем так, как в тюрьме.

А по Норильску везде на этих кранах, на этих вышках-кранах везде красно-чёрные флаги висели. И мужчин, когда на крышу мы залезаем, так видим флаг пятой зоны мужчин. И, что у них висит флаг. И всё. Мы не выходим на работу. И такая уже не забастовка, уже теперь---

И.О. - восстание.

И.М. - восстание. Уж теперь объявили восстание, не забастовку. Чтоб не подумали, что тут только забастовка. Забастовка, знаете, забастовка может быть. И мы просим только смерть, свобода или смерть! Такой. Как только они начинают с нами говорить, мы только кричим, и все четыре тысячи сверху кричим. «Свобода или смерть! Свобода или смерть!».

Мы всё равно кричим, они кричат, а мы кричим ещё громче. Ну, знаете, четыре тысячи женщин, если закричат, так это. Ну, и они, мы видим, что они готовятся. И мы начали готовиться. И мы тогда всех больных, старушек завели, в двух бараках поселили. И мы тогда сделали кругом этих барачков, вот так встали, наверное, четыре такие ряда, друг друга взяли под руки. Так под руки взялись и стояли. И стояли всю ночь. Они кричали, они перерезали уже эти заборы, перерезали, сделали такие проходы. «Выходите. Вам сделали проходы. Проходите, или стреляем». Но мы всё равно стоим, кричим: «Свобода или смерть!» И, знаете, какой феномен? Ну, есть всякие женщины. И русские, и поляки, и немки были, и украинки, и литовки, и эстонки, и латыши. Ни одна не поднялась и не вышла.

Они: «Выходите!» А мы: «Стреляйте! Стреляйте!» Стреляйте в нас. И вот, и тогда они уже и начали. Ночью, так, около четырёх часов, подъехали машины пожарных, и они начали песком и водой нас. Знаете, песком валит и глаза, и везде. И водой сильная очень струя, и как начали этой струёй, так разорвали, этот круг разорвали. А, когда разорвали круг, тогда забежали эти солдаты, и начали бить. Как мы держались, так по рукам, по рукам, по рукам, по головам.

И нас группами, группами, и повели солдаты в тундру так, как мужчин. Далеко, далеко в тундру. И так идём, и вспомнила, что уже, вспомнила дом, вспомнила маму, что не дождётся, вспомнила всю жизнь свою, что так прошла, ну, что - всё. Значит, ведут стрелять нас будут, в тундру. Ну, и так повели, повели, далеко, далеко, и потом закружили. А, знаете, днём солнце, так красиво, утро, солнце. Жить хочется, но что делать. Повели и закружили, и нас назад, в город.

Освобождение, октябрь 1956 г.

Но я скоро уже вышла. Начали тогда пересматривать. Я была арестована несовершеннолетняя. И, тогда начали выпускать несовершеннолетних.

И.О. Малолеток.

И.М. Малолеток. И меня как малолетку, пересудили, был суд, приехали судья, там, прямо в лагерь, и меня освободили.

И.О. На сколько же раньше вас освободили?

И.М. Девять лет я ровно отсидела.

И маму уже нашла не такую, как. Всё было вроде другое. Так по городу так же ходили люди, так же спешили все, ездили машины. Но, когда подошла к своему дому, откуда уехала, дом кажется не такой большой. И двор не такой большой. И мама поменьше. Мама была высокая, а теперь я уже выше, а мама меньше стала. И, когда припала к ногам, мама только говорила: «Всё будет хорошо. Теперь уже будет хорошо. Не плачь. Всё будет хорошо».

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Виктор Гриберман (Рига)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© **Международный Мемориал 2011**